

Русское слово

„Любовь на земле“.

Повидимому, это былъ провалъ,—всера у Незлобина,—если не самый настоящий, *mit grossen Skandal*, какъ говорить въ Ригѣ, то, во всякомъ случаѣ, достаточно тяжелый для авторскаго самолюбія.

Публика недоумѣнно прислушивалась въ первыхъ двухъ актахъ, поверхъ жидкихъ аплодисментовъ дружно шикала послѣ третьяго, и, наконецъ, въ четвертомъ актѣ совершенно перестала уважать пьесу и вела себя будто на какомъ-нибудь «Милымъ чудѣ».

Говоря правду, послѣ генеральной репетиции не было предчувствія, что публика встрѣтитъ новаго для московской сцены автора такъ сурово.

Вина автора была вовсе не такъ велика.

Это—не манерный декадентъ, старинный намѣренный вычурностью формы прикрыть свою безсодержательность.

Это—не Киша Мокіевичъ, который въ безсильныхъ попыткахъ сдвинуть исподлинскаго сфинкса жизни сдвинулъ себя самого съ устоевъ здраваго смысла и понесъ «жизную чепуху».

Наконецъ, это не безграмотный въ литературномъ смыслѣ драмодѣль, пытающійся использовать жгучія темы для поспѣстальнаго гонорара.

Нѣтъ, пьеса г. Новикова написана вполне литературно, написана человѣкомъ, мыслящимъ остро и чувствующимъ глубоко.

Быть-можетъ, все это очень умно, что думалъ авторъ о многообразіи преломленія лучей великой единой любви въ многогранной призмѣ человѣческихъ сердецъ.

Быть-можетъ, вмѣстѣ съ авторомъ мы должны были бы зацѣпиться надъ безднотой, отдѣлившей простоту и ясность любви, о какой говорить намъ «Ширь» Платона, отъ современныхъ проявленій

этого чувства, запутавшагося въ мучительныхъ узлахъ нашей безконечно осложнившейся внутренней и внешней жизни.

Въ старинной барской усадьбѣ кучка людей, соединенныхъ узами дружбы, родства, но мало въ чемъ схожихъ между собой. Цѣлый мірокъ, со всѣмъ его разнообразіемъ, въ тѣсныхъ стѣнахъ барскаго дома.

И у каждого изъ обитателей этого дома своя любовь, свой мучительный узелъ. Въ миниатюрѣ цѣлый спектр преломленія лучей любви на землѣ.

Такое задание. Самый процессъ писанія г. Новиковымъ его пьесы представляется намъ въ такомъ видѣ.

Едва заропали у автора намѣченные нами или близкія къ нимъ мысли, едва возникли предъ нимъ образныя иллюстраціи этихъ мыслей, едва почувствовалъ онъ въ себѣ самомъ грепетъ настроеній, порожитыхъ его героями, и лихорадочно торопился пригвоздить едва слагающіеся образы, онъ спѣшилъ переносить ихъ на бумагу. Онъ скользилъ мимо того, что для него самого еще не вылинялось, и жадно хватался за обрывки выплывающихъ мыслей, яркихъ образовъ.

Онъ бросалъ ихъ на бумагу поспѣшно, не справляясь съ соотвѣстствіемъ формы содержанію, онъ чертилъ тираду и былъ увѣренъ, что она вполне выражаетъ его мысль, ставилъ точку и думалъ, что простая форма создаетъ для зрителей то настроеніе, которымъ онъ самъ трепеталъ.

Въ результатѣ—грубый черновикъ, готравля эскизовъ, поражающихъ своей необработанностью, хаотичностью.

Такъ спѣшимъ мы выносить въ публику еще невыношенное, необработанное.

Публика, однако, не затѣмъ идетъ въ театръ, чтобы разбираться въ грудѣ набросковъ, догадываться о томъ, что не дорисовано, и примиряться съ нарисованнымъ второпяхъ, неуклюже, небрежно.

Такова вина автора, и публика ея не прощаетъ.

Въ то же время, какую неблагоприятную работу своей небрежностью авторъ далъ исполнителямъ.

Лучше выписаны, меньше подчечено въ второстепенныхъ фигурахъ.

Онѣ-то и заставляли насъ почувствовать все же несомнѣнное дарованіе автора.

Два-три штриха,—и какъ живо обрисованы

сованы фигуры дѣдушки Ефима, профессора Маша.

Дѣдушка Ефимъ великолѣпенъ у г. Перонова, съ его неподдѣльной простотой и вдумчивостью тона.

Зато главныя фигуры,—эксцентричной Паталии Григорьевны, загадочной Тони, смиреннаго душой Алексѣя, уравновѣшеннаго (Андрея, изломаннаго Ставищевъ,—только намѣченъ, и исполнители тщетно бьются надъ задачей создать живыхъ людей въ предѣлахъ предоставленнаго имъ скуднаго матеріала.

Г-жа Рощина-Инсарова, конечно, знаетъ, кого она должна играть въ Патали Григорьевнѣ, но ей почти нечего играть,—это пероль, а обрывки роли. Ни одной глубокой, исчерпывающей характеръ сцены.

Легче г. Аслапову, и его тихій, незлобивый Алексѣй очень хорошъ.

Г. Максимовъ теряется въ Ставищевѣ. Г-жа Вульфъ, очевидно, совсѣмъ не понимаетъ своей Тони и ведетъ ее на удачу въ какомъ-то декадентскомъ, фальшивомъ тонѣ.

Г. Ставрогинъ просто блѣдеетъ въ роли Андрея. Г. Балакиревъ суховатъ для преданнаго стараго друга-доктора.

Въ общемъ впечатлѣніе сѣрое и грустное.

Н. О.